

Резидентная мобильность цифровых кочевников в агломерации Денпасара

Анна Шерстнева

По мере модернизации общества и роста уровня мобильности населения происходит диверсификация жизненных стратегий, меняются привычные жилищные траектории: увеличивается частота переездов, растет спрос на гибкие форматы проживания. Благодаря развитию телекоммуникационных технологий появляются гипермобильные группы населения, использующие возможности удаленной работы для ведения странствующего образа жизни – так называемые цифровые кочевники [Кужелева-Саган, Спичева, 2020]. Понятие «дом» для них эфемерно, поскольку это место постоянно меняется от отеля к хостелу, от одного съемного жилья к другому [Бредникова, Ткач, 2010].

Резидентная мобильность тесно связана с жизненным циклом: меняющиеся потребности человека становятся триггером для переезда [Coulter, Van Ham, 2013]. В исследованиях жилищных траекторий гипермобильных групп населения выделяется сегмент, посвященный высококвалифицированным транснациональным мигрантам, которые практикуют мультилокальный образ жизни, привязанный к глобальным городам [Maslova, 2021]. Цифровые кочевники рассматриваются как альтернативное течение, стремящееся отделиться от глобальных городов и отправиться в развивающиеся страны Глобального Юга, которые привлекают теплым климатом, развитой туристической инфраструктурой и низкой стоимостью жизни [Sternberg, 2021]. Пандемия COVID-19 спровоцировала развитие гибридного формата труда и перенос значительной части трудовых практик в онлайн, в результате чего рабочие места тоже становятся мультилокальными [Florida, Rodríguez-Pose, Storper, 2021]. Таким образом, широкий круг населения получил возможность попробовать образ жизни цифрового кочевника, сделав это движение более массовым [De Almeida, 2021].

Постепенно формируются хабы цифрового кочевничества – понятие, относящееся к территориям, которые помимо необходимой ин-

Шерстнева Анна Романовна, студентка магистерской программы «Управление пространственным развитием городов», Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 13/4, Москва, Российская Федерация
E-mail: sheratom@gmail.com

В данной работе рассматриваются особенности резидентной мобильности цифровых кочевников в агломерации Денпасара на индонезийском острове Бали, который стал невероятно популярен среди высокомобильных удаленных работников. Пандемия COVID-19 спровоцировала перенос значительной части трудовых практик в онлайн, в результате чего человек становится меньше привязан к рабочему месту. Это особенно ярко видно на примере цифровых кочевников, для которых гибкость рабочего места порождает гибкость места проживания. Методика работы включает проведение социологического исследования для выявления факторов выбора жилья цифровыми кочевниками. На основе анализа выборки точек мест проживания респондентов определены основные сценарии резидентной мобильности цифровых кочевников. В результате выявлено четыре портрета групп со схожими предпочтениями. Сделаны выводы о закономерностях пространственной дифференциации, обуславливающих особенности резидентной мобильности цифровых кочевников в агломерации Денпасара.

Ключевые слова: резидентная мобильность; цифровые кочевники; удаленная работа; агломерация Денпасара; Бали; Индонезия

Цитирование: Шерстнева А. Р. (2023) Резидентная мобильность цифровых кочевников в агломерации Денпасара // Городские исследования и практики. Т. 8. № 3. С. 48–64. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp83202348-64>

фраструктуры (доступное жилье, комфортные места для работы за ноутбуком, быстрый интернет) включают достаточно развитое сообщество цифровых кочевников. Одним из первых таких хабов стал индонезийский остров Бали, который называют «Меккой для цифровых кочевников» [Woldoff, Litchfield, 2021]. Главные центры притяжения цифровых кочевников в агломерации Денпасара формируются в районах Убуд и Чангу – это первые территории на Бали, где появились коворкинги, которые положили начало формированию локального сообщества цифровых кочевников. Помимо стремления оказаться в окружении единомышленников, при выборе жилья цифровые кочевники могут руководствоваться такими факторами, как живописная природа, определенная инфраструктура, активная социальная жизнь или, наоборот, относительно спокойные места, чтобы можно было сосредоточиться на работе. Изучение факторов, определяющих привлекательность локации для цифровых кочевников, позволит проектировать подобные места в других городах и повысить их конкурентоспособность с точки зрения притяжения высокоомобильных удаленных работников.

Какие факторы влияют на выбор места проживания цифровыми кочевниками? Существуют ли определенные сценарии резидентной мобильности цифровых кочевников, и можно ли выявить социальные портреты групп со схожими предпочтениями? Каковы закономерности пространственной дифференциации, обуславливающие особенности резидентной мобильности цифровых кочевников в агломерации, в частности Денпасара?

Новый городской кризис и цифровые кочевники

Цифровых кочевников связывают с понятием *knomad*, описывающим работника экономики знаний (*knowledge worker*), который «может работать с кем угодно, когда угодно и в любом месте» [Moravec, 2013], используя возможности мобильного образа жизни для нетворкинга и развития в своей профессиональной сфере. Гибкая локальность дает возможность выбора профессионального сообщества. Коворкинги объединяют креативных профессионалов, предоставляя преимущества физической близости, включающие неформальное общение и обмен знаниями, возможности для сотрудничества, новые связи для развития бизнеса и т.д. В го-

родах формируются коворкинг-кластеры и другие структуры, насыщенные инновационной активностью, которые притягивают креативных профессионалов, стремящихся оказаться в среде единомышленников [Cardevila, 2013]. Тем не менее появляются предпосылки к изменению позиций глобальных городов в мировой конкуренции за горожанина.

Автор теории креативного класса Ричард Флорида подчеркивает значение выбора благоприятного места для проживания [Florida, 2008]. Одна из последних его работ посвящена «новому кризису городов» и тем факторам, которые теперь выталкивают креативный класс из мегаполисов [Florida, 2017]. Это дороговизна проживания, значительные временные затраты на перемещения, нарушение баланса между работой и личной жизнью. Крупные города предлагают обширные возможности с точки зрения досуга и общения, но многие люди не могут в полной мере использовать преимущества городской агломерации из-за того, что приходится много работать, чтобы позволить себе проживание в городе. Отсюда нарушение баланса между работой и отдыхом и распространение практик дауншифтинга. Цифровые кочевники используют те же преимущества временной миграции – возможность избежать бюрократической волокиты, связанной с переездом в другую страну, и дополнительный приток средств от сдачи собственной недвижимости – но, в отличие от дауншифтеров, в новом месте они продолжают работать удаленно, а смена обстановки рассматривается как возможность для улучшения личной продуктивности и профессионального роста [Muller, 2016].

В исследованиях миграций среди базовых теорий, объясняющих причины переездов, выделяется концепция выталкивающих и притягивающих факторов [Lee, 1966; Prabawa, Pertiwi, 2020]. Мотивации цифровых кочевников основаны на стремлении получить как можно больше опыта в процессе путешествий, совмещая практики работы и туризма. Немаловажным аспектом выступает сравнительное преимущество более низкой стоимости жизни в развивающихся странах с комфортным климатом, по сравнению с развитыми странами, откуда в большинстве своем проистекают цифровые кочевники [Holleran, 2022]. В местах, куда начинают массово приезжать цифровые кочевники, формируются хабы цифрового кочевничества, которые по сути представляют собой те же коворкинг-кла-

стеры. Наиболее яркие примеры таких хабов в Юго-Восточной Азии – Hubud (Убуд, Бали, Индонезия), Ko Hub (Ко Ланта, Таиланд) и Hubba (Бангкок, Таиланд) [Schlagwein, 2018]. Подобные локальные сообщества цифровых кочевников отличаются текучестью своего состава, поскольку номады по каким-то причинам не задерживаются долго на одном месте. С другой стороны, такая текучесть способствует эффективному нетворкингу, предоставляя возможности для поиска единомышленников и завязывания знакомств с интересными людьми из разных уголков мира [Haking, 2017].

Статус цифрового кочевника непостоянен также в силу спонтанности и гибкости в принятии решений: номад может решить закрепиться в одном из мест своего пребывания и тогда перейдет в статус экспатрианта. Распространенный сценарий, когда человек приезжает как цифровой кочевник, а потом приобретает недвижимость или начинает свой бизнес и становится привязанным к данной территории. В ином случае период кочевничества заканчивается, когда человек решит вернуться в родной город. Кроме того, выделяются разные группы цифровых кочевников в зависимости от длительности их путешествий: одни могут непрерывно перемещаться от места к месту в течение нескольких лет, другие уезжают на пару месяцев и делают перерыв, возвращаясь домой.

Исследователь Ина Райхенбергер выделяет три группы цифровых кочевников в зависимости от уровня мобильности [Reichenberger, 2018]. Это потенциальные цифровые кочевники – они работают удаленно, значит, меньше привязаны к конкретному месту проживания и потенциально могут вести образ жизни цифрового кочевника, но сами не считают себя цифровыми кочевниками. Затем начинающие цифровые кочевники – они практикуют поездки разной продолжительности, регулярно возвращаясь домой, при этом они могут как ассоциировать себя с цифровыми кочевниками, так и нет. И наконец, опытные цифровые кочевники, которые отправляются в длительные поездки, меняют несколько локаций в течение года, долгое время живут вдали от дома и готовы идентифицировать себя в качестве цифровых кочевников.

В широком смысле цифровым кочевником можно назвать любого человека, работающего удаленно, но только вторая и третья группы из перечисленных выше соответствуют понятию цифрового кочев-

ника в строгом смысле. Кроме того, в силу растущего тренда на «медленный туризм» (slow tourism) и распространения практик workation (work – «работа», vacation – «отпуск», иначе говоря, «работоотпуск»), люди могут рассматривать удаленную работу как возможность продлить отпуск, и некоторые из них начинают считать себя цифровыми кочевниками. Отсюда возникает понятие digital nomad wannabe [De Almeida, 2022], или «подражатели цифровых кочевников», – люди, которые ассоциируют себя с цифровыми кочевниками, у которых, однако, отсутствует длительный опыт перемещений.

Направления исследований резидентной мобильности и жилищных траекторий

Под резидентной мобильностью могут пониматься как количественные данные о перемещениях, так и различные факторы, влияющие на выбор жилья, а также мотивации к переезду. Жилищные траектории – это последовательности изменений мест и условий проживания, а также жилищного статуса в течение жизни человека. Изучение жилищных траекторий рассматривается как ключевое направление в поле исследований жилищной мобильности [Кобыща, Новокрещенов, Шепетина, 2022]. Жилищный статус может определяться на основе таких характеристик, как территория проживания (центральный или периферийный район), характеристики жилья (дом или квартира, год постройки, материал стен, благоустройство дома и дворовой территории, просторность жилья, то есть жилая площадь, и др.). В результате сравнения этих характеристик между текущим местом жительства и предыдущим определяется тренд жилищной карьеры – восходящая либо нисходящая жилищная мобильность [Полухина, 2017].

Резидентная мобильность и жилищные траектории традиционно рассматриваются в контексте собственности жилья. Квартиросъемщики рассматриваются как «жилищное меньшинство» [Шомина, 2010], но в случае цифровых кочевников резидентная мобильность в большей степени происходит в рамках арендного жилья. Исследователи отмечают изменения в восприятии «дома», происходящие в связи с ростом мобильности населения: если обычно понятие «дом» ассоциируется с постоянным местом проживания, то для номада «дом» – это скорее состояние, а не место – «там, где хорошо». При этом

собственная недвижимость воспринимается в качестве базы для перерывов между постоянными переездами, и таких баз может быть несколько [Cohen, 2015; Nowicka, 2007]. Особое значение придается месту, к которому есть эмоциональная привязанность, – обычно это дом родителей, где прошло детство и куда человек может периодически возвращаться, но фактически не живет там [De Logyn, 2022].

Поскольку в данном случае жилье выбирается для краткосрочного пребывания – несколько месяцев, в отличие от ситуации покупки недвижимости, чаще всего рассчитанной на более длительный срок, – факторы выбора жилья могут отличаться. Цифровые кочевники также могут останавливаться в хостелах или отелях – коллективным местам размещения чаще отдают предпочтение те, кто путешествует в одиночку, поскольку такие места предоставляют возможности для новых знакомств и общения. В исследованиях, посвященных мотивациям выбора съемного жилья или отелей, рассматривается две группы факторов – функциональные и эмоциональные. Функциональные характеристики включают: 1) экономичность (доступная цена и возможность сэкономить); 2) бытовые удобства (Wi-Fi, стиральная машина, плита, чайник и проч.); 3) качество сервиса (наличие дополнительных удобств: завтрак, уборка); 4) безопасность; 5) расположение. К эмоциональным факторам относятся: 1) престижность (звездность отеля, отзывы пользователей); 2) ощущение комфорта «как дома»; 3) эстетичность интерьера; 4) возможности для социализации [Trepels, 2018].

Важную роль играют каналы информации, на которые опирается человек при выборе жилья. Это могут быть спонтанные данные на форумах и в социальных сетях либо централизованно продвигаемый образ территории, транслируемый агентствами недвижимости и туристическими справочниками. Бренд района рассматривается наряду с объективными факторами расположения, такими как наличие объектов инфраструктуры и точек интереса в пешей доступности [Cheng, Jin, 2019].

Бренд места отражает сконструированный образ территории на основе локальной идентичности, что позволяет человеку получить первичное представление о городе или районе и сформировать определенные ожидания. Впечатления от места формируются в результате непосредственного взаимодействия человека с атрибутами данной территории и с другими людьми,

поведение которых в данном месте также оказывает влияние на формирование образа [Glovers, Go, 2016]. Все это влияет на решение человека отправиться в конкретную локацию и выбрать данное место для проживания в случае соответствия образа ожиданиям и успешного опыта взаимодействия с территорией.

Понятие образа места связано с термином «топофилия», введенным американским географом и культурологом И-Фу Туаном для обозначения эмоциональной привязанности к месту [Tuan, 1974]. Это чувство чаще всего возникает по отношению к месту проживания человека, то есть к своему дому, родному городу и району, где он вырос. Туан разграничивает понятия «укорененности» и «чувства места». Укорененность – это «то, что постигается в результате знакомства в течение длительного проживания», в то время как чувство места – это «то, что возникает в результате сознательных усилий» [Tuan, 1980]. Растущая мобильность расширяет границы чувства места. Ощущение привязанности может быть мультилокальным для человека, который вырос в одном месте, заканчивал университет в другом городе, затем начал работать и создавать семью в другой стране. Миграции и туризм влияют на чувство места, у человека могут быть приятные воспоминания, связанные с местом, где он когда-то отдыхал, и ощущение ностальгии необязательно возникает только по отношению к дому [Chen, Hall, Prayag, 2021]. В случае цифровых кочевников может формироваться такое чувство к разным местам, и нередко они возвращаются в те места, где уже были.

В данном исследовании мы рассматриваем резидентную мобильность людей, для которых характерна высокая частота переездов как в масштабе города, так и между странами. Факторы выбора жилья для цифрового кочевника отличны от тех, что рассматриваются в контексте традиционных исследований резидентной мобильности, сосредоточенных преимущественно на выборе постоянного места для жизни. В случае временных вариантов жилья свобода выбора несколько больше, а кроме того, на первый план могут выходить в большей степени эмоциональные факторы, чем функциональные. В этом смысле цифровые кочевники могут быть схожи с туристами, которые первым делом стремятся поселиться в популярном районе, но потом переезжают, чтобы пожить в более спокойном районе и получше узнать жизнь местных жителей и экспатов.

Мотивации к переезду и факторы выбора жилья цифровыми кочевниками

В продолжение уже проведенных на текущий момент исследований цифровых кочевников, сосредоточенных преимущественно на раскрытии мотиваций и особенностей образа жизни представителей данной группы, нами использованы те же методы – анкетирование и глубинное интервью – при смещении фокуса на раскрытие практик резидентной мобильности с привязкой к конкретной локации – агломерации Денпасара на острове Бали. Нас прежде всего интересует, чем обусловлена привлекательность районов агломерации Денпасара для цифровых кочевников, какие факторы определяют выбор жилья в этих районах.

Выборку исследования составляют люди, имеющие опыт удаленной работы во время пребывания на Бали. Для поиска респондентов были использованы интернет-сообщества цифровых кочевников с привязкой к Бали и районам агломерации Денпасара в различных социальных сетях. Потенциальным респондентам на выбор предлагается заполнить анкету в Google Forms или пройти интервью; все коммуникации осуществляются удаленно посредством мессенджеров и звонков. Формат интервью подразумевает прохождение вопросов анкеты с дополнительным обсуждением и подробным раскрытием мотиваций. Структура анкеты содержит два основных блока – общая информация о респонденте и характеристики мест проживания в агломерации Денпасара, – а также финальный микроблок, посвященный планам на дальнейшие перемещения.

Первый блок включает вопросы о происхождении, профессиональной деятельности и опыте перемещений до приезда на Бали. Важную роль играют вопросы-фильтры, направленные на определение текущего состояния мобильности и выявление цифровых кочевников. Например, вопрос про длительность пребывания на Бали – если более года, то это уже скорее экспат. Или вопрос про опыт предыдущих путешествий, позволяющий оценить «зрелость» цифрового кочевника. Если предыдущий опыт невелик, нет уверенности в том, что это осознанный выбор человека, ставший образом жизни, – этот опыт может не получить продолжения и останется в биографии как эксперимент. Ключевой момент – выявление первичной мотивации, что послужило толчком для начала путеше-

ствия в качестве цифрового кочевника, решающую роль здесь сыграли выталкивающие или притягивающие факторы. В одной из работ, посвященных изучению образа жизни цифровых кочевников, в анкете задается вопрос, предполагающий выбор первичной мотивации, например: «Я работаю удаленно, поэтому не привязан к месту» или «Я хочу иметь свободу перемещения, поэтому работаю удаленно» [Haking, 2017].

Если переезд обусловлен простым желанием сменить обстановку, оказаться в месте с приятным климатом – в данном случае главным побуждением к миграции выступают притягивающие факторы территории. Другая ситуация, когда люди вынуждены менять место жительства в связи с независящими от них обстоятельствами – политическими потрясениями, стихийными бедствиями и т.д.; здесь работают выталкивающие факторы. Таким образом, выделяются вынужденные цифровые кочевники – если человеку нужно куда-то уехать, но он вынужден продолжать работу удаленно, ему свойственны многие черты цифрового кочевника, но он не ассоциирует себя с данной социальной группой. Для этого задаются вопросы «Почему вы уехали?» и «Считаете ли вы себя цифровым кочевником?». Учитывая эфемерность статуса цифрового кочевника, предполагается включить в выборку и тех респондентов, которые когда-то имели опыт цифрового кочевничества, но на текущий момент находятся в другом статусе.

Второй блок анкеты более количественный, поскольку нацелен на сбор данных для картографирования. Респондент заполняет информацию об одном из мест проживания в агломерации Денпасара. Для каждой точки заполняется адрес, тип жилья, стоимость проживания в месяц, а также дается балльная оценка характеристикам окружения локации: социальная жизнь, степень развитости инфраструктуры, природное окружение, тихое место для отдыха, удобство для работы.

В третьем разделе анкеты содержатся вопросы, касающиеся текущего статуса мобильности и планов на дальнейшие перемещения. Сколько времени в году человек живет вне своего постоянного места жительства и планирует ли он приобретать недвижимость или получать ВНЖ в другой стране – эти вопросы позволяют понять, находится ли человек в статусе цифрового кочевника на текущий момент, планирует ли он продолжать путешествия в будущем либо в скором времени этот человек станет экспатом или резидентом в другой стране.

Ключевая задача анкетирования – сформировать выборку точек мест проживания респондентов в агломерации Денпаса-ра. По вопросам-фильтрам планируется отделить цифровых кочевников от других групп мобильности, поскольку не все те, кто считает себя цифровыми кочевниками, на самом деле соответствуют этому определению. Основным источником информации для выявления мотиваций и факторов выбора жилья цифровыми кочевниками представляются глубинные интервью, которые повторяют структуру анкеты, но позволяют получить более подробную информацию.

Описание выборки: цифровые кочевники и другие группы мобильности

Нами было проведено 7 глубинных интервью и получено 33 анкеты с указанием мест проживания в агломерации Денпаса-ра по адресу или геолокации, что будет использовано для построения карт в данной работе. На основе подробных рассказов респондентов о своих переездах выявлены основные паттерны перемещений между районами: куда чаще всего приезжают сначала, какие районы выбирают люди с определенными запросами, куда приезжают на короткое время, а где живут дольше всего.

Выборку респондентов составляют преимущественно выходцы из РФ, также есть респонденты из Украины, Беларуси, Великобритании, Молдовы и Нидерландов. У каждого из респондентов был опыт удаленной работы во время пребывания на Бали, но только половина (52%) считает себя цифровыми кочевниками, и примерно треть (33%) на самом деле соответствуют этому статусу. Это было определено по ответам на вопросы-фильтры в анкете, поскольку помимо удаленной работы цифровой кочевник должен обладать опытом длительных путешествий до приезда на Бали и/или иметь планы на дальнейшие перемещения. Кроме того, длительность пребывания на острове не должна превышать одного года, потому что, если человек находится в данном месте так долго и не планирует в ближайшее время уезжать, это означает, что он уже перешел в разряд экспата.

Выявленные цифровые кочевники отличаются друг от друга по опыту и длительности путешествий. Из семи респондентов, принимавших участие в интервью, трое полностью соответствуют понятию цифрового кочевника. С помощью цитат из ин-

тервью можно проиллюстрировать три стадии цифрового кочевника:

1. Респондент № 4 – начинающий цифровой кочевник:

Я вообще стал считать себя таковым [цифровым кочевником] после того, как собрался с Бали, сейчас уехал в Таиланд, дальше по плану Вьетнам и дальнейшие перемещения.

2. Респондент № 2 – цифровой кочевник на уровне любителя

Я последние два года живу как диджитал-номад. До Бали я путешествовала одна и в разных странах заводила друзей <...>. У нас же шесть месяцев налоговое резидентство, поэтому сейчас на полгода приезжаю в Россию. Вообще думаю, что хочу пожить в Питере месяц, в Краснодарском крае месяц, ну посмотрим. Так еще на месяц в Японию собираюсь съездить. А потом в ноябре-декабре планирую поехать в ЮАР.

3. Респондент № 7 – опытный цифровой кочевник:

Я решил основать свою собственную компанию, а затем постепенно начал разъезжать по разным странам и проводить от 2 до 3 месяцев в зависимости от того, как долго мне разрешат оставаться в стране, прежде чем отправиться в следующий пункт назначения. Итак, я провел довольно много времени в Европе, а затем и в Юго-Восточной Азии, работая в Таиланде, на Филиппинах, на Бали, во Вьетнаме. Затем в Европе я провел много времени в Испании, Болгарии, Италии. И сейчас я живу в Лиссабоне, Португалия.

Статус цифрового кочевника подтверждается, если респондент после Бали отправился в другую локацию, а не вернулся домой. Как выяснилось в ходе интервью, некоторые экспаты изначально приехали на Бали как цифровые кочевники, надолго оставаться здесь они не планировали, но их планы изменились в силу разных причин. Многие из тех, кто прилетел накануне пандемии COVID-19, вынуждены

были остаться из-за закрытия границ, а за время локдауна успели обжиться и остались остаться на Бали.

Сначала я поехала в Индию на два месяца, потом на месяц в Таиланд, потом у меня по плану должно было быть два месяца на Бали, после чего я планировала вернуться домой в Москву, но что-то пошло не по плану, и в итоге так сложилось, что я осталась здесь жить.

Для определения особенностей резидентной мобильности цифровых кочевников необходимо понимать специфику других групп мобильности, чтобы выявить сходства и различия между ними. Процесс поиска жилья цифровым кочевником схож с поведением только что приехавшего экспата, который еще не знает, останется ли он на длительное время, поэтому отдает предпочтение краткосрочной аренде. Бывает и такое, что выгоднее сразу снимать виллу на долгий срок, а потом просто пересдавать кому-то еще.

Основные сценарии резидентной мобильности цифровых кочевников

Большинство респондентов сходятся во мнении, что основные источники для поиска жилья на Бали – это социальные сети и рекомендации знакомых. Сайты-агрегаторы вроде Booking и Airbnb тоже используют, но чаще для того, чтобы забронировать место на первое время или на короткий срок, в большей степени этими сервисами пользуются туристы. Цифровые кочевники по опыту своих путешествий чаще используют каналы в социальных сетях, связи с сообществом цифровых кочевников и группы экспатриантов, которые больше погружены в локальную специфику:

У меня вот основной источник для поиска жилья – это Facebook. Там сосредоточены люди из разных стран, и местные, и приезжие, соответственно, больше всего предложений. Airbnb – он все-таки посуточный, больше такой туристический. <...> И наверное, хорошо работающая штука – сарафанное радио. Если жилье хорошее и по адекватной цене, то в основном его просто передают своим же ребятам.

Распространенная практика, когда первые дни люди живут в отеле или гостевом доме, гестхаусе, и параллельно ищут жи-

лье уже на местности, чтобы не бронировать заранее виллу вслепую, а самим все посмотреть и выбрать жилье методом проб и ошибок. Соответственно, наиболее частая сменяемость жильцов характерна для туристических районов, где больше всего отелей и гостевых домов. Это прежде всего районы западного побережья, среди которых Кута, Семиньяк, Чангу и их окрестности:

Берава – это самый загруженный и шумный райончик Чангу: много кафе, много байков, пробки... Но и много гестхаусов и различных отелей, вилл, апартаментов.

В более отдаленных «спальных районах» или районах экспатов люди остаются на долгий срок, и здесь уже начинают формироваться локальные сообщества, поскольку соседи-лонгстееры начинают узнавать друг друга. К таким районам можно отнести Керобокан, окраины Убуда, внутренние части Букита и некоторые другие:

Тут [в Убуде] большой район с рисовыми полями, между которыми раскиданы домики отдельно стоящие. Живут здесь в основном экспаты.

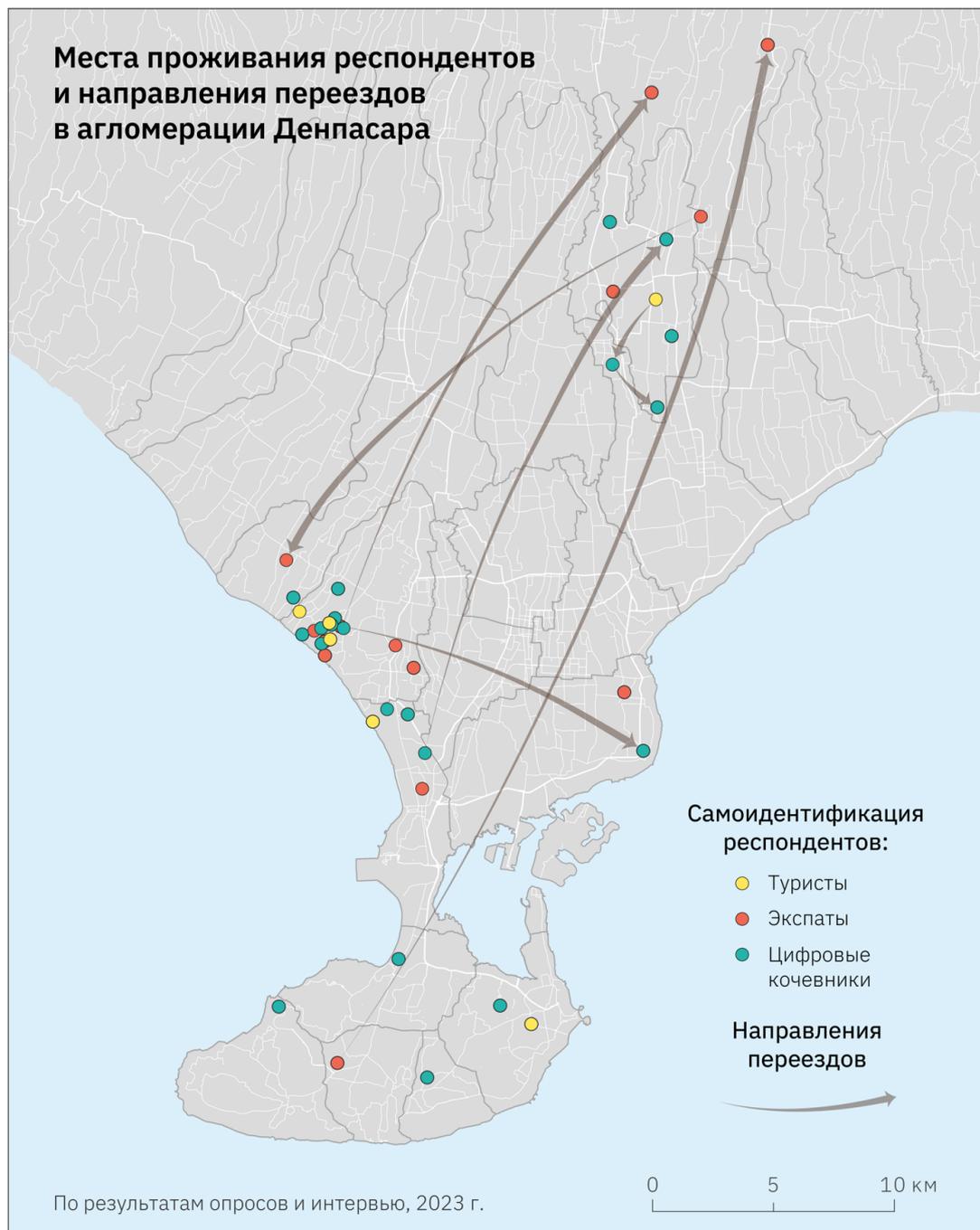
В ходе проведения опросов и интервью были собраны данные о расположении мест проживания респондентов – они нанесены точками на карту (рис. 1). Линии на карте показывают основные направления переездов, выявленные по ответам респондентов.

Наибольшая концентрация точек наблюдается в Чангу – на данный момент это наиболее популярный район для туристов и экспатов на Бали. Факторами выбора жилья здесь становятся близость к пляжу, активная социальная жизнь и разнообразие заведений вроде кафе, баров, ресторанов. Именно поэтому многие, кто приезжает на Бали, первым делом заселяются в Чангу. Тем не менее отзывы об этом районе очень разные: одним нравится разнообразие заведений и активная социальная жизнь, другие считают это место слишком шумным, перенаселенным, особенно в высокий сезон:

Район Чангу хорош, там много кафе, ресторанов, салонов, магазинов на любой вкус и кошелек. Минус в том, что в Чангу слишком активная жизнь и не чувствуется единение с природой, какого ждешь от Бали. Плюс из-за оби-

Рис. 1. Места проживания респондентов и направления переездов в агломерации Денпасара

Источник: составлено автором по результатам опросов и интервью.

лия баров и клубов в этом районе часто громко играет музыка с разных концов.

Хоть Чангу и считается хорошим районом для цифровых кочевников, тем не менее один из респондентов рассказывает, что здесь на самом деле не так много полноценных мест для работы, кроме того, есть проблемы с пешеходной инфраструктурой, и в этом плане район Санур выглядит более подходящим:

В Чангу нет тротуаров, есть GoJek доставка, такси, есть бутики, магазины, рестораны. Супермаркетов больших

немного, фрукты купить достаточно сложно, нет таких лавок. Цены в ресторанах выше среднего, мне кажется, если в целом по Бали смотреть. <...> В Сануре есть тротуары, есть прокат велосипедов, можно гулять по набережной. Цены в ресторанах чуть ниже, и это не только бич-клубы, как в Чангу, а полноценные рестораны, где можно посидеть в тихом месте, поработать в спокойной обстановке.

Респонденты описывали собственные перемещения и делились своими наблюдениями по поводу основных паттернов расселения приезжающих на Бали. Поми-

мо линии переездов «Чангу – Санур» есть еще более распространенный тренд «Чангу – Убуд»:

Мне лично для работы больше подходит Убуд. И, глядя на тенденцию перетекания многих людей из Чангу сюда, это подтверждается. Но многим людям нужен океан, многие любят ходить на пляж каждый день, необязательно даже купаться, а хотя бы просто дышать морским воздухом, поэтому многие остаются в Чангу. Плюс в Чангу все-таки количество людей больше и, соответственно, какие-то мероприятия, встречи там происходят чаще.

Убуд очень удобен для длительного проживания, поскольку этот район более прохладный из-за расположения на возвышенности в глубине острова. Кроме того, здесь большое разнообразие жилья и цены заметно ниже, чем на побережье. Многие снимают здесь жилье в долгосрочную аренду, и получается выгодно, особенно если выбирать локацию не в центре Убуда, что видно на карте – много точек на окраине. А если хочется сменить обстановку и на время переехать в другой район, то можно пересдать жилье, и это распространенная практика на Бали в целом. Стоит также учитывать фактор сезонности, поскольку летом в Убуде становится слишком прохладно для некоторых:

В большей степени хочу оставаться в Убуде, мне здесь нравится. Но тут еще влияет сезонность, потому что ближе к концу лета в Убуде становится холодно и не очень комфортно. <...> Так что, думаю, на месяц – два я перееду в какой-нибудь другой район пожить.

Один из последних трендов – переезд из Убуда в районы на побережье к северу от Чангу, такие как Перенан и Сесех. Эти места интенсивно развиваются благодаря близости к наиболее популярному району, при этом они менее шумные и еще не перенаселенные, так что жить здесь комфортно:

Мы приехали в Перенан и живем теперь здесь, потому что кажется, что сейчас это лучший район на Бали. <...> Замечателен этот район тем, что здесь не бывает пробок. Здесь достаточно много классных кафе и разных сервисов. Плюс чистый пляж, потому что

здесь не очень много серферов и вообще немного людей на пляже.

При выборе жилья для людей, работающих удаленно, важным фактором становится наличие возможности для работы из дома либо в коворкинге где-то поблизости. Если человек живет не один, что довольно распространено, учитывая, что многие снимают виллы на Бали сразу на несколько человек в целях экономии на жилье, могут возникать проблемы для организации рабочего места дома, если для этого недостаточно пространства. При этом для некоторых людей принципиально важно иметь комфортное место для работы из дома, и тут еще влияет фактор семейного положения, что видно на примере интервью с респонденткой, которая столкнулась с необходимостью организации домашнего рабочего пространства для двоих человек в условиях частых рабочих созвонов у обоих:

Мы – пара, нам нужно обоим много времени на себя и много пространства. Нам не подходят апартаменты, если там есть только одно рабочее место, потому что у нас у обоих могут быть звонки, и мы чаще предпочитаем работать дома, а не ездить в коворкинги или в кафе.

Цифровые кочевники: четыре портрета

В дополнение к пространственным паттернам расселения и ключевым факторам выбора жилья также можно выделить основные сценарии выбора мест проживания. Данная методика основана на теориях психотипов потребителей и портретов туристов [Суздалева, Балескова, 2022; Jackson, 2001]. Исходя из приоритетных факторов выбора жилья могут быть выделены четыре портрета, каждый из которых в разной степени может быть характерен для туристов, экспатов или цифровых кочевников: эскаписты, гедонисты, прагматики и карьеристы.

Эскаписты – предпочитают тихие места и природное окружение. Наиболее подходящие районы такого типа находятся в удалении от основных туристических центров Куты и Чангу. Соответственно, это, скорее всего, будет Убуд либо районы полуострова Букид, прежде всего Улувату и Джимбаран. По словам респондентов, в этих районах живут «интроверты-про-

граммисты». Вот что говорит один из участников опроса о Джимбаране:

Район тихий, в основном живут местные и экспаты. Близко пляж без волн или с небольшими волнами. По набережной отели. <...> Мне нравились кафе рядом и легкая доступность самых разных пляжей. В целом район подходит для серферов и интровертов.

Те, кто приезжает на Бали в качестве туристов, вряд ли могут быть отнесены к этому типу, потому что они чаще предпочитают селиться в туристических районах со множеством функций и активностей, за исключением туристов, которые приезжают ради серфинга на Улувату, но и они более предоставлены отдыху в компании других серферов. Так что среди эскапистов преобладают цифровые кочевники и экспаты, которые работают удаленно и заинтересованы в уединении. Это часто люди, путешествующие в одиночку, которые могут снять комнату в гостевом доме или арендовать небольшой отдельно стоящий дом, каких много в Убуде:

Я люблю, когда есть видимый горизонт, желательно состоящий из рисовых полей, и поэтому, когда я жил на юге и на севере от Убуда, у меня были как раз такие жилища: типа маленький домик, вокруг одни рисовые поля, и никого больше нет. С этой точки зрения хорошо, хоть и сложнее в плане логистики, но тут я отдаю предпочтение отшельничеству.

Гедонисты – ставят в приоритет отдых и развлечения, чаще всего выбирают модные места с активной социальной жизнью, такие как Чангу и Семиньяк. Этот тип более характерен для туристов, и это самый редкий тип в выборке, потому что основной критерий отбора респондентов – наличие опыта удаленной работы на Бали, и для таких людей отдых чаще всего был второстепенной задачей. Один из примеров того, что говорят о Семиньяке:

Кафе рядом, прямой доступ к Сансет-роуд позволяет быстро доехать до серф-спотов. Нет такой загруженности, как в Чангу, при этом достаточно развлечений в доступности.

Прагматики – ориентируются на относительно спокойные районы с развитой инфраструктурой, как, например, Санур

и Нуса-Дуа. Это старейшие туристические центры Денпасара, отличающиеся высоким уровнем благоустройства по сравнению с другими районами, о чем говорит наличие тротуаров и велосипедной дорожки вдоль набережной. Вот что пишут о Нуса-Дуа:

Есть инфраструктура для пешеходов. Нет пробок, тихо, красивый пляж и возможность купаться, ниже цены и меньше толп. Тихо, спокойно, нормальный трафик.

Для прагматиков также важно наличие разнообразных сервисов и возможности для комфортной работы. Подходит Убуд – там есть туристический центр со всеми удобствами и есть очень тихие жилые районы. К тому же достаточно развита пешеходная сеть, много зелени и не так жарко на улице:

Убуд – он более такой спокойный, размеренный, не такой жаркий и без океана. Здесь везде комфортно работать, хоть в зданиях, хоть на улице, хоть где.

Карьеристы – сосредоточены на возможностях для работы и нетворкинга. Это могут быть общительные цифровые кочевники, которые за время своего пребывания на острове стремятся найти как можно больше знакомств и стараются находиться в среде других цифровых кочевников и экспатов, работающих удаленно. Для них важно наличие коворкингов и различных мест для общения, в этом плане наиболее подходящими будут Чангу и Убуд, потому что в этих районах концентрируется больше всего людей. Кроме того, карьеристы чаще выбирают шеринговые форматы жилья вроде коливинга:

Одно из мест, где мы жили дольше всего, на самом деле был коливинг под названием Bali Bustle. Мы пробыли там один месяц, и это был коворкинг с апартаментами. Мне там действительно понравилось. <...> Это было похоже на большую смесь множества разных культур.

Выделенные портреты иллюстрируют модельные психотипы людей, но каждый человек может сочетать в себе разные черты и занимать промежуточную позицию в этом спектре. Кроме того, приоритеты людей могут меняться с течением времени в условиях изменения социального статуса

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Что для вас наиболее важно при выборе жилья?»

76,9%	Оптимальное соотношение цена–качество
46,2%	Активная социальная жизнь и модные места рядом
42,3%	Развитая инфраструктура
38,5%	Наличие коворкингов и кофеен
34,6%	Близость к пляжу
26,9%	Живописное природное окружение
23,1%	Тихое место для отдыха
15,4%	Возможность жить с друзьями/знакомыми

или в силу других обстоятельств. Например, карьерист может в определенный момент устать от общения и захотеть перебраться из шумного центра в более спокойный район – из Чангу в Санур. Эскapist, наоборот, захочет сменить обстановку и переехать ближе к центру, при этом выберет не самый шумный район – например, переезд с окраины Убуда в район Перенан, расположенный по соседству с Чангу.

Взаимосвязь жилищных предпочтений и пространственных характеристик

Соотношение важности факторов выбора жилья формируется исходя из индивидуальных потребностей человека. Для одних людей будет в приоритете развитая инфраструктура и доступ ко всем удобствам, для других может быть важнее жить в тихом месте с природным окружением, даже если качество инфраструктуры там будет хуже.

В ходе проведения опросов и интервью респондентам предлагалось отметить три наиболее важных, по их мнению, фактора выбора жилья (табл. 1).

Большинство респондентов выбирали «оптимальное соотношение цена–качество» по умолчанию. Следом идет «активная социальная жизнь и модные места рядом» – причина, почему многие решают поселиться в Чангу. Значительная часть респондентов отметили важность качества инфраструктуры и наличия различных удобств, что вполне ожидаемо, но одни люди могут быть равнодушны к этому фактору, а для других это может повлиять на решение остаться жить в этом месте или переехать в другой район:

Еще мы заезжали в Улувату, но там очень мало инфраструктуры, а мы все-таки городские жители, нам нужно много разных сервисов.

Многие отмечают проблемы, связанные с благоустройством районов в агломерации Денпасара, прежде всего отсутствие пешеходной инфраструктуры и хаотичное дорожное движение, от чего особенно сильно страдает самый популярный район Чангу:

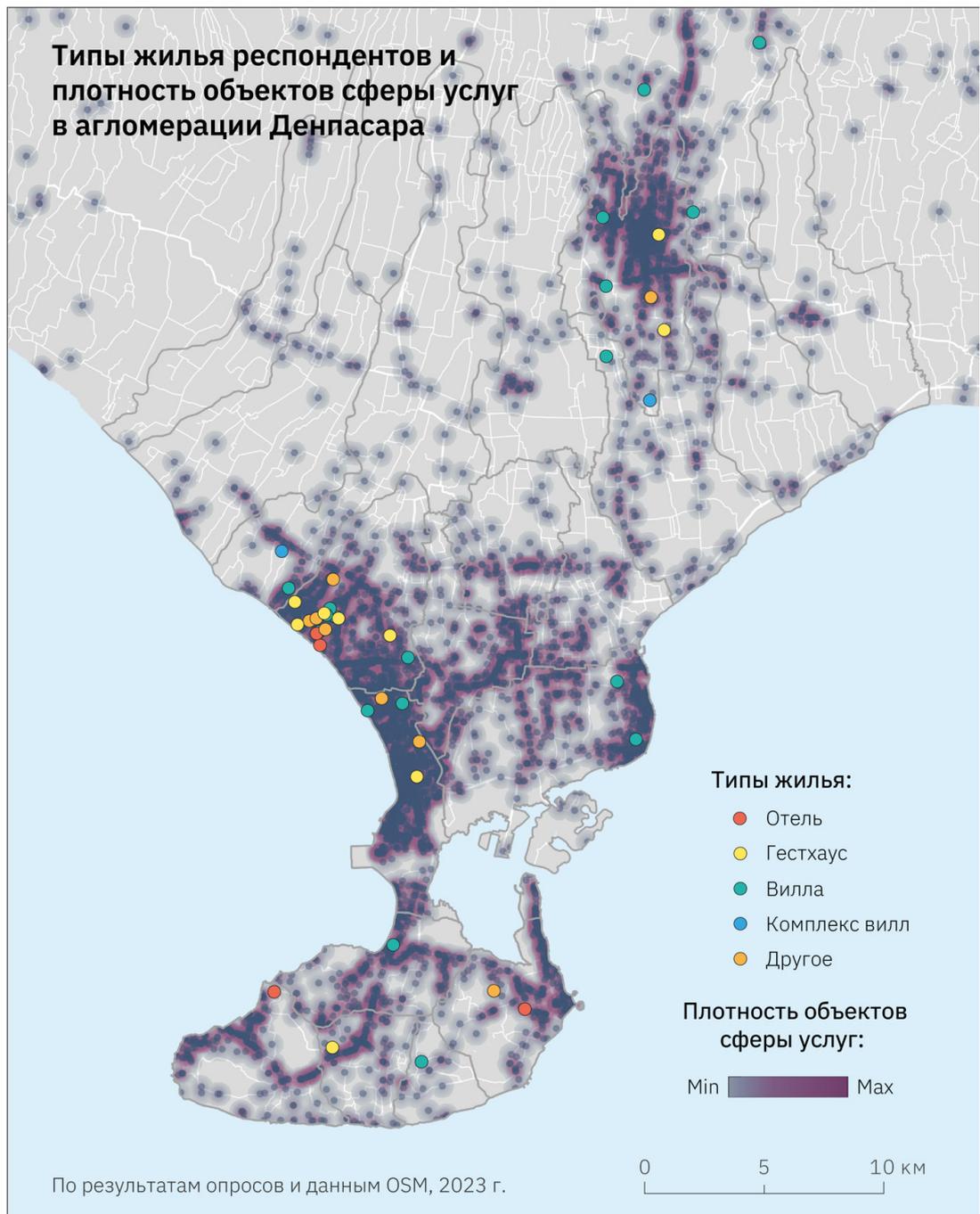
Здесь необходимы тротуары, потому что сейчас среда крайне недружелюбна для пешеходов. Единственное, где можно комфортно ходить пешком, – это пляж, может быть, какие-то отдельные улицы, и то ширина тротуара там позволяет пройти только одному человеку.

Близость к пляжу – один из ключевых факторов в выборе между Убудом и Чангу. В Убуде множество вариантов жилья в тихом месте с природным окружением, что отлично подходит для отдыха. Кроме того, стоимость аренды в большинстве случаев заметно меньше, чем в районах на побережье, что становится объективным фактором выбора жилья здесь для многих людей. Самый большой минус – это как раз отсутствие пляжа, потому что Убуд находится в глубине острова, и до океана приходится добираться 30–40 минут на транспорте, чаще всего ещё дольше по пробкам, что не подходит тем, кто каждый день хочет ходить на пляж.

Для анализа пространственного распределения объектов сферы услуг по районам агломерации Денпасара были выгружены данные OSM, включающие магазины, кафе, бары, рестораны, средства размещения и т.д. Эти объекты нанесены на карту (рис. 2), поверх наложены точки мест проживания респондентов, дифференцированные по типу жилья. Можно заметить, что большая часть точек соответствует ареалам с высокой плотностью объектов сферы услуг. Также в отдельных районах наблюдается концентрация типов жилья, более характерных для туристов, – отели и гостевые дома, например, в Чангу и Нуса-Дуа. Заметно преобладание вилл по окраинам Убуда с меньшей концентрацией объектов сферы услуг – это тихие районы с домами для экспатов, между которыми раскинулись рисовые поля. Выделяются отдельные торговые улицы с точками мест проживания на них, например, в центре Букита и в Перенане.

Многие люди, которые выбирают жилье по описанию в интернете, не имея заранее представления о том, как на са-

Рис. 2. Типы жилья респондентов и плотность объектов сферы услуг
Источник: составлено автором по результатам опросов и данным OSM.

мом деле выглядит это место и его окружение, руководствуются в значительной степени субъективными факторами, такими как образ территории, сформировавшийся на основе полученной информации из вторичных источников. Впечатление, полученное в результате непосредственного взаимодействия с территорией, также может быть искажено в силу эмоциональных факторов. Например, опыт проживания в популярном районе в высокий сезон, скорее всего, будет менее приятным, чем в период низкого потока туристов. Интересно, что несколько респондентов сравнили районы, где они проживали, с Москвой:

В Убуде ты чувствуешь, что ты в Индонезии вообще-то находишься. В Улувату чувствуешь стихию: скалы, волны, океан. А в Чангу ты как бы ничего не чувствуешь, просто в той же московской суе находишься. Московская суе в деревне с азиатским колоритом...

Образ «маленькой Москвы», упоминаемый в интервью, во многом связан с большим количеством русскоязычной аудитории на Бали. Когда люди приезжают в другую страну, они часто оказываются в «информационных пузырях», образованных локальными сообществами их сооте-

чественников. С Москвой сравнивают не только Чангу, но и окрестности большого комплекса апартаментов PARQ в Убуде:

Я бы сказал, что русскоговорящих людей – не только русских, но и украинцев, и всех остальных – здесь везде много сейчас. Наверное, в большей степени они выделяются в Убуде, потому что здесь есть понятная точка притяжения как PARQ, где в основном проживают русскоязычные экспаты и номады...

Изменения пространственных особенностей вызывают сдвиги в преобладающих паттернах расселения. Например, в Убуде наблюдается тенденция переездов из центральных в периферийные районы, потому что в центре дороже жилье и много туристов, а окраины уже в достаточной степени обеспечены необходимой инфраструктурой и еще не перенаселены. На жилищные предпочтения влияют пространственные особенности не только в физическом плане, но и в ментальном, поскольку со временем территория может приобретать определенные образы. Некоторые районы ассоциируются с сообществами мигрантов, – где-то больше всего австралийцев, а где-то преобладает русскоязычная аудитория, – другие районы остаются в большей степени для местных жителей, и иностранцы там не живут, что характерно для внутренних районов Денпасара.

Заключение

Современные города трансформируются с учетом возрастающей мобильности населения, все больше выполняя роль хабов, между которыми перемещаются люди. Эту тенденцию можно проиллюстрировать на примере агломерации Денпасара на острове Бали, который стал одним из крупнейших мест притяжения цифровых кочевников. Резидентная мобильность цифровых кочевников отличается высокой частотой переездов и значительной степенью гибкости в выборе жилья. В данном случае речь идет главным образом о временных вариантах жилья, для которых факторы выбора отличны от резидентной мобильности в традиционном понимании, предусматривающей приобретение жилья в собственность. Таким образом, факторы выбора жилья цифровыми кочевниками схожи с тем, как выбирают жилье туристы или экспаты, приехавшие в другую страну,

но не имеющие там постоянного места проживания.

Неотъемлемым атрибутом цифровых кочевников выступает практика удаленной работы, позволяющая им быть не привязанными к офису и работать из любого места, где есть интернет. За последние годы число удаленных работников в мире заметно возросло, не последнюю роль в этом сыграла пандемия COVID-19. На волне тенденций «медленного туризма» люди начинают использовать удаленную работу как возможность дольше путешествовать. Из-за размытости понятия цифрового кочевника распространенным феноменом становятся так называемые подражатели цифровых кочевников – люди, идентифицирующие себя как цифровые кочевники, но не соответствующие этому определению в строгом смысле. С этим связаны сложности поиска респондентов и формирования выборки для данного исследования.

Для того чтобы респондента действительно можно было назвать цифровым кочевником, помимо удаленной работы этот человек должен иметь определенный опыт переездов и продолжать вести гипермобильный образ жизни. В процессе проведения интервью с человеком, который считает себя цифровым кочевником, можно проверить его статус мобильности с помощью вопросов-фильтров, и тогда становится ясно, что на самом деле это турист или экспат. Как и цифровые кочевники, они работают удаленно, но на текущий момент находятся в другом состоянии мобильности. И сами цифровые кочевники могут изменить статус, как было в случае респондентов, которые приехали на Бали в качестве цифровых кочевников, но решили остаться и стать экспатами. Их ответы тоже оказались полезны для данного исследования, ведь понимание особенностей жилищных предпочтений других групп мобильности, определение их сходств и различий позволяет лучше разобраться в специфике цифровых кочевников.

По результатам опросов и интервью были собраны данные о расположении мест проживания респондентов в агломерации Денпасара. Они нанесены точками на карту, что позволяет определить наиболее популярные районы для проживания. Один из таких районов – Чангу, где стремятся поселиться многие из тех, кто первый раз приезжает на остров, но мало кто остается в этом районе надолго из-за шума, пробок и высоких цен

на жилье. В ходе интервью респонденты описывали свои перемещения, и среди основных трендов можно выделить переезд из Чангу в Убуд либо в Санур, как более спокойные районы. Санур отличается высоким уровнем благоустройства по меркам острова, но это больше отельный район, а поскольку наиболее распространенный вариант жилья на Бали – это вилла, популярностью пользуются дома среди рисовых полей в окрестности Убуда.

Исходя из приоритетных факторов выбора жилья, были выделены четыре портрета, которые могут характеризовать как цифровых кочевников, так экспатов или туристов: эскаписты, гедонисты, прагматики и карьеристы. Это модельные паттерны поведения, объясняющие предпочтения в определенных типах жилья и конкретных районах на Бали. Например, гедонисты и карьеристы с большей вероятностью решат поселиться в шеринговой вилле и жить с другими людьми, прежде не знакомыми. В предпочтениях по районам у них будут, скорее всего, шумные места, где много людей и разных активностей, такие как Чангу и Семиньяк. Многих цифровых кочевников можно назвать прагматиками, потому что для них важно иметь удобное пространство для работы, что может быть не всегда возможно в условиях частых переездов. В таком случае среди основных ориентиров будет наличие в районе коворкингов или удобных общественных пространств для работы. В агломерации Денпасара среди наиболее подходящих районов можно выделить Убуд, Санур и более спокойные районы по соседству с Чангу, такие как Керобокан, Пенан.

В процессе работы удалось рассмотреть агломерацию Денпасара через призму взгляда цифровых кочевников, туристов и экспатов, что позволяет дополнить представление о том, как устроена эта система расселения. Подавляющее большинство приезжающих концентрируется в туристических районах вокруг Денпасара, в самом городе живут преимущественно балийцы. Внутри агломерации «приезжих» существует собственные центры, отличные от агломерации «местных». Состав тех, кто приезжает, также неоднороден, и возникает гипотеза о формировании «информационных пузырей», собирающих вокруг себя представителей определенных сообществ мигрантов: австралийцев, британцев, русских, французов и др. В ходе дальнейших исследований рекомендуется подробнее

изучить особенности расселения англоязычных цифровых кочевников в агломерации Денпасара.

Источники

- Бредникова О.Е., Ткач О.А. (2010) Дом для номады // *Laboratorium*. № 3. С. 72–95.
- Кобыща В.В., Новокрещенов М.В., Шепетина К.Ю. (2022) Жилищные траектории. Обзор зарубежных и российских исследований // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1. С. 348–383.
- Кужелева-Саган И.П., Спичева Д.И. (2020) Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе // *Вестник Томского государственного университета*. С. 72–87.
- Полухина Е.В. (2017) Жилищная мобильность: направления социологического анализа // *Журнал исследований социальной политики*. Т.15. № 4. С. 589–602.
- Суздалева Г.Р., Балескова А.Д. (2022) Анализ психотипов потребителей как ключевой фактор формирования маркетинговых коммуникаций // *Естественно-гуманитарные исследования*. № 1. С. 309–319.
- Шомина Е.С. (2010) Квартиросъемщики – наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики.
- Capdevila I. (2013) Knowledge Dynamics in Localized Communities: Coworking Spaces as Microclusters // *SSRN Electronic Journal*. P. 1–18.
- Cheng M., Jin X. (2019) What do Airbnb Users Care About? An Analysis of Online Review Comments // *International Journal of Hospitality Management*. No. 76. P. 58–70.
- Chen N.C., Hall C.M., Prayag G. (2021) *Sense of Place and Place Attachment in Tourism*. London; New York: Routledge.
- Cohen S.A., Duncan T., Thulemark M. (2015) Lifestyle Mobilities: The Crossroads of Travel, Leisure and Migration // *Mobilities*. No. 10. P. 155–172.
- Coulter R., Van Ham M. (2013) Following People Through Time: An Analysis of Individual Residential Mobility Biographies // *Housing Studies*. No. 7. P. 1037–1055.
- De Almeida M.A., Correia A., Schneider D., De Souza M.J. (2021) COVID-19 as Opportunity to Test Digital Nomad Lifestyle // 2021 IEEE 24th International Conference on Computer Supported Cooperative Work in Design (CSCWD). P. 1209–1214.
- De Almeida M.A., De Souza M.J., Correia A., Schneider D. (2022) The Role of Wannabes in the Digital Nomad Ecosystem in Times of Pandemic // 2022 IEEE International Conference on Systems, Man, and Cybernetics (SMC). P. 3354–3359.
- De Loryn B. (2022) Not Necessarily a Place: How Mobile Transnational Online Workers (Digital Nomads) Construct and Experience 'Home' // *Global Networks*. P. 103–118.
- Florida R. (2008) *Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the*

- Most Important Decision of Your Life. New York: Basic Books.
- Florida R. (2017) *The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class-and What We Can Do About It*. New York: Basic Books.
- Florida R., Rodríguez-Pose A., Storper M. (2021) *Cities in a Post-COVID World*//Urban Studies. Vol. 60. No. 1. P. 1-23.
- Govers R., Go F. (2016) *Place branding: Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced*. New York, NY: Springer.
- Haking J. (2017) *Digital nomad lifestyle: A Field Study in Bali*//Degree Project in Industrial Management. Stockholm: KTH Royal Institute of Technology.
- Holleran M. (2022) *Pandemics and Geoarbitrage: Digital Nomadism Before and After COVID-19*//City. Vol. 26. № 5-6. P. 831-847.
- Jackson M., White G., White M.G. (2001) *Developing a Tourist Personality Typology*//Proceedings of National Research Conference, Australia. Vol. 177. P. 177-184.
- Lee E.S. (1966) *A Theory of Migration*//Demography. Vol. 3. № 1. P. 47-57.
- Luise V. (2022) *Digital Nomad Lifestyle: A Liminal Experience of Identity Transition*//Sociologia del Lavoro. No. 162/2022. P. 208-228.
- MacRae G. (2016) *Community and Cosmopolitanism in the New Ubud*//Annals of Tourism Research. Vol. 59. P. 16-29.
- Maslova S. (2021) *Housing for Highly Mobile Transnational Professionals: Evolving Forms of Housing Practices in Moscow and London*//Mobilities. Vol. 17. No. P. 1-17.
- Moravec J.W. (2013) *Knowmad Society: The "New" Work and Education*//On the Horizon. Vol. 21. No. 2. P. 79-83.
- Moos M., Nick R. (2017) *Will Millennials Remain in the City? Residential Mobility in Post-Industrial, Post-Modern, Post-Suburban America*//The Millennial City. London; New York: Routledge. P. 183-199.
- Muller A. (2016) *The Digital Nomad: Buzzword or Research Category?*//Transnational Social Review. Vol. 6. No. 3. P. 344-348.
- Nadler R. (2016) *Plug&Play places: Subjective Standardization of Places in Multilocal Lifeworlds*//Understanding Mobilities for Designing Contemporary Cities. P. 109-128.
- Nowicka M. (2007) *Mobile locations: Construction of Home in a Group of Mobile Transnational Professionals*//Global Networks. P. 69-86.
- Prabawa I., Pertiwi P. (2020) *The Digital Nomad Tourist Motivation in Bali: Exploratory Research Based on Push and Pull Theory*//Athens Journal of Tourism. Vol. 7. No. 3. P. 161-174.
- Reichenberger I. (2018) *Digital Nomads—A Quest for Holistic Freedom in Work and Leisure*//Annals of Leisure Research. Vol. 21. No. 3. P. 364-380.
- Schlagwein D. (2018) *The History of Digital Nomadism*//International Workshop on the Changing Nature of Work (CNOW). P. 1-5.
- Sternberg J. (2021) *Urban Prospecting: The New Trajectories of Labor and the Making of the Digital Nomad*: PhD diss. Boston: Northeastern University, 2021.
- Trepels L.C. R. (2018) *Preferences of Millennials for Tourist Accommodation: Hotel Versus Airbnb Accommodation*. Master's Thesis. Eindhoven: Eindhoven University of Technology.
- Tuan Y.-F. (1980) *Rootedness Versus Sense of Place*//Landscape. Vol. 24. P. 3-8.
- Tuan Y.-F. (1974) *Topophilia. A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Woldoff R.A., Litchfield R.C. (2021) *Digital Nomads: In Search of Freedom, Community, and Meaningful Work in the New Economy*. New York, NY: Oxford University Press.

RESIDENTIAL MOBILITY OF DIGITAL NOMADS IN DENPASAR GREATER AREA

Anna R. Sherstneva, Master's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development (FURD), HSE University, 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation. E-mail: sherarom@gmail.com

Abstract

This paper examines the residential mobility characteristics of digital nomads in Denpasar Greater Area on the Indonesian island of Bali, which has become incredibly popular among highly mobile remote workers. The COVID-19 pandemic has caused the transfer of a significant part of labor practices to online format, which made people less tied to their workplace. This is particularly evident in the case of digital nomads, for whom workplace flexibility begets residential flexibility. The methodology includes a sociological study to single out the factors of digital nomads' housing choices. Based on the analysis of respondents' residential locations, the main scenarios of digital nomads' residential mobility are identified. As a result, four portraits of groups with similar preferences are revealed. Conclusions are drawn regarding the patterns of spatial differentiation that determine the characteristics of residential mobility of digital nomads in Denpasar Greater Area.

Keywords: residential mobility; digital nomads; remote work; Denpasar; Bali; Indonesia

Citation: Sherstneva A.R. (2023) Residential Mobility of Digital Nomads in Denpasar Greater Area. *Urban Studies and Practices*, vol. 8, no 3, pp. 48–64. DOI <https://doi.org/10.17323/usp83202348-64> (in Russian)

References

- Brednikova O., Tkach O. (2010) Dom dlya nomady [Home for a Nomad]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, no 3, pp. 72–95. (in Russian)
- Capdevila I. (2013) Knowledge Dynamics in Localized Communities: Coworking Spaces as Microclusters. *SSRN Electronic Journal*, pp. 1–18.
- Cheng M., Jin X. (2019) What do Airbnb Users Care About? An Analysis of Online Review Comments. *International Journal of Hospitality Management*, no 76, pp. 58–70.
- Chen N.C., Hall C.M., Prayag G. (2021) Sense of Place and Place Attachment in Tourism. London; New York: Routledge.
- Cohen S.A., Duncan T., Thulemark M. (2015) Lifestyle Mobilities: The Crossroads of Travel, Leisure and Migration. *Mobilities*, no 10, pp. 155–172.
- Coulter R., Van Ham M. (2013) Following People Through Time: An Analysis of Individual Residential Mobility Biographies. *Housing Studies*, no 7, pp. 1037–1055.
- De Almeida M.A., Correia A., Schneider D., De Souza M.J. (2021) COVID-19 as Opportunity to Test Digital Nomad Lifestyle. *2021 IEEE 24th International Conference on Computer Supported Cooperative Work in Design (CSCWD)*, pp. 1209–1214.
- De Almeida M.A., De Souza M.J., Correia A., Schneider D. (2022) The Role of Wannabes in the Digital Nomad Ecosystem in Times of Pandemic. *2022 IEEE International Conference on Systems, Man, and Cybernetics (SMC)*, pp. 3354–3359.
- De Loryn B. (2022) Not Necessarily a Place: How Mobile Transnational Online Workers (Digital Nomads) Construct and Experience 'Home'. *Global Networks*.
- Florida R. (2008) Who's Your City? How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life. New York: Basic Books.
- Florida R. (2017) The New Urban Crisis: How Our Cities Are Increasing Inequality, Deepening Segregation, and Failing the Middle Class—and What We Can Do About It. New York: Basic Books.
- Florida R., Rodriguez-Pose A., Storper M. (2021) Cities in a Post-COVID World. *Urban Studies*, vol. 60, no 1, pp. 1–23.
- Govers R., Go F. (2016) Place branding: Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced. New York, NY: Springer.
- Haking J. (2017) Digital nomad lifestyle: A Field Study in Bali. Degree Project in Industrial Management. Stockholm: KTH Royal Institute of Technology.
- Holleran M. (2022) Pandemics and Geoarbitrage: Digital Nomadism Before and After COVID-19. *City*, vol. 26, no 5–6, pp. 831–847.
- Kobyshcha V., Novokreshchenov M., Shepetina K. (2022) Zhilishchnye traektorii. Obzor zarubezhnyh i rossijskih issledovanij [Housing Trajectories. Review of Foreign and Russian Studies]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no 1, pp. 348–383. (in Russian)
- Kuzheleva-Sagan I., Spicheva D. (2020) Fenomen cifrovogo kochevnichestva v sovremennom mezhdisciplinarnom diskurse [The Phenomenon of Digital Nomadism in the Modern Interdisciplinary Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no 454, pp. 72–87. (in Russian)
- Jackson M., White G., White M.G. (2001) Developing a Tourist Personality Typology. *Proceedings of National Research Conference, Australia*, vol. 177, pp. 177–184.
- Lee E.S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, vol. 3, № 1, pp. 47–57.
- Luise V. (2022) Digital Nomad Lifestyle: A Liminal Experience of Identity Transition. *Sociologia del Lavoro*, no 162/2022, pp. 208–228.
- MacRae G. (2016) Community and Cosmopolitanism in the New Ubud. *Annals of Tourism Research*, vol. 59, pp. 16–29.
- Maslova S. (2021) Housing for Highly Mobile Transnational Professionals: Evolving Forms of Housing Practices in Moscow and London. *Mobilities*, vol. 17, no P. 1–17.
- Moravec J.W. (2013) Knowmad Society: The "New" Work and Education. *On the Horizon*, vol. 21, no 2, pp. 79–83.
- Moos M., Nick R. (2017) Will Millennials Remain in the City? Residential Mobility in Post-Industrial, Post-Modern, Post-Suburban America. *The Millennial City*. London; New York: Routledge, pp. 183–199.
- Muller A. (2016) The Digital Nomad: Buzzword or Research Category? *Transnational Social Review*, vol. 6, no 3, pp. 344–348.
- Nadler R. (2016) Plug&Play places: Subjective Standardization of Places in Multilocal Lifeworlds. *Understanding Mobilities for Designing Contemporary Cities*, pp. 109–128.
- Nowicka M. (2007) Mobile locations: Construction of Home in a Group of Mobile Transnational Professionals. *Global Networks*, pp. 69–86.
- Polukhina E. (2017) Zhilishchnaya mobil'nost': napravleniya sociologicheskogo analiza [Housing Mobility: Approaches for Sociological Analysis]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*

- [The Journal of Social Policy Studies], no 15(4), pp. 589-602. (in Russian)
- Prabawa I., Pertiwi P. (2020) The Digital Nomad Tourist Motivation in Bali: Exploratory Research Based on Push and Pull Theory. *Athens Journal of Tourism*, vol. 7, no 3, pp. 161-174.
- Reichenberger I. (2018) Digital Nomads—A Quest for Holistic Freedom in Work and Leisure. *Annals of Leisure Research*, vol. 21, no 3, pp. 364-380.
- Schlagwein D. (2018) The History of Digital Nomadism. *International Workshop on the Changing Nature of Work (CNOW)*, pp. 1-5.
- Shomina E. (2010) Kvartiros"emshchiki—nashe «zhilishchnoe men'shinstvo»: rossijskij i zarubezhnyj opyt razvitiya ar-endnogo zhil'ya [Tenants are Our "Housing Minority": Russian and Foreign Experience of Rental Housing Development]. Moscow: State University Higher School of Economics Publishing Press. (in Russian)
- Sternberg J. (2021) Urban Prospecting: The New Trajectories of Labor and the Making of the Digital Nomad (PhD diss.). Boston: Northeastern University, 2021.
- Suzdaleva G., Baleskova A. (2022) Analiz psihotipov potrebitel'ej kak klyuchevoj faktor formirovaniya marketingovyh kommunikacij [Analysis of Psychotypes of Consumers as a Key Factor in The Formation of Marketing Communications]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural-Humanitarian Studies], no 1, pp. 309-319. (in Russian)
- Trepels L.C. R. (2018) Preferences of Millennials for Tourist Accommodation: Hotel Versus Airbnb Accommodation (Master's Thesis). Eindhoven: Eindhoven University of Technology.
- Tuan Y.-F. (1980) Rootedness Versus Sense of Place. *Landscape*, vol. 24, pp. 3-8.
- Tuan Y.-F. (1974) Topophilia. A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Woldoff R.A., Litchfield R.C. (2021) Digital Nomads: In Search of Freedom, Community, and Meaningful Work in the New Economy. New York, NY: Oxford University Press.